

КАЗУС КОРША, ИЛИ ДОЛЖЕН ЛИ АКАДЕМИК ЖИТЬ В СТОЛИЦЕ?

Последний устав Императорской Академии наук (далее — ИАН) был утвержден 8 января 1836 г. Он устарел уже в 1841 г., когда бывшая Российская академия вошла в состав Академии наук на правах особого Второго отделения — Русского языка и словесности (далее — ОРЯС)¹. Второе крупное структурное изменение в составе Академии наук также касалось ОРЯС: в его составе с 1900 г. учреждался Разряд изящной словесности². Вопрос о пересмотре устава неоднократно поднимался³, но, не решаясь на серьезные реформы, правительство ограничивалось принятием новых штатов и корректировкой бюджета.

Статичность законодательства не могла не входить в конфликт с постоянно изменяющейся практикой академического обихода. С течением времени возникало все больше разногласий между уставом и реальным положением дел в Академии наук. Одним из вопросов, обострившимся в начале XX в., стала обязанность штатного академика проживать в столице.

На протяжении XIX в. в ОРЯС имели место несколько случаев, когда избранный в ординарные академики ученый-непетербуржец предпочитал не покидать свой город и службу в его учреждениях. Отделению, чтобы иметь этих ученых своими сочленами, приходилось соглашаться на особый статус, называвшийся в XIX в. «отсутствующу-

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 16 (1841). СПб., 1842. Отд. 1. С. 853–856. Закон № 14940 — Высочайше утвержденное положение об ОРЯС при Имп. АН (рескрипт от 19.10.1841).

² ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 19 (1899). СПб., 1902. Отд. 1. С. 375–376. Закон № 16807 — Именной высочайший указ об учреждении в ИАН Разряда изящной словесности и особого фонда имени Пушкина (от 29.04.1899). Дополнительные статьи к Положению об ОРЯС были утверждены императором 23.12.1899 (там же. С. 1247–1248. Закон № 17908).

³ Комиссии по пересмотру Устава ИАН образовывались в 1857, 1864, 1891–1892, 1898, 1902 гг., но выработанные ими проекты так и не были ратифицированы (подробнее см.: *Басаргина Е. Ю.* Проекты академической реформы. 1855–1917 гг. СПб., 2013).

щий ординарный академик»⁴. Таковыми членами ОРЯС были митрополит Филарет (В. М. Дроздов), М. П. Погодин, Ф. И. Буслаев, С. М. Соловьев, Н. С. Тихонравов⁵. Отсутствующие академики принимали участие в научных трудах Академии, но могли не жить в Петербурге и не присутствовать на заседаниях Отделения и Общего собрания. Особо упомянем историю избрания в академики Н. С. Тихонравова. Первое приглашение от ОРЯС он получил еще в 1865 г., но отказался, ссылаясь на невозможность оставить кафедру в Московском университете. Когда в 1889 г. он вышел в отставку, последовало второе предложение ОРЯС, которое ученый принял, но предпочел сохранить привычный московский уклад жизни и согласился стать «отсутствующим» академиком⁶.

В связи с учреждением Разряда изящной словесности в 1900 г. в составе ОРЯС открылись шесть новых должностей штатных ординарных академиков. На одну из них рассматривалась кандидатура ученого широкого профиля — филолога-классика, слависта, востоковеда и специалиста в ряде других гуманитарных областей Федора Евгеньевича Корша. Он с 1893 г. был членом-корреспондентом ИАН по разряду классической филологии и археологии Историко-филологического отделения. Теперь же академики-слависты выдвигали его к избранию по ОРЯС⁷.

В ноябре 1899 г. Ф. Е. Корш получил официальное письмо председательствующего в ОРЯС М. И. Сухомлинова, в котором последний сообщал:

«Отделение остановило свой выбор на Вас, как на одном из первых кандидатов, обладающем обширными знаниями в области, разработка которой должна быть сосредоточена в Отделении русского языка и словесности. Внешние условия заключаются в следующем. Академик, получающий штатное содержание, должен непременно жить в Петербурге. Содержание ординарного академика положено 4200 руб. Предваренный кандидат баллотируется сперва в Отделении, потом в Общем собрании Академии наук, а затем представляется на Высочайшее утверждение». В том же письме М. И. Сухомлинов заметил: «У нас есть и сверхштатные, иногородние (академики. — *Е. Г.*)»⁸.

---

⁴ В 1893 г. были введены новые Штаты ИАН, по которым штатным ординарным членам ОРЯС было определено жалование. С тех пор «отсутствующих» академиков стали называть сверхштатными — им жалование по-прежнему не полагалось (ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 13 (1893). СПб., 1897. Отд. 1. С. 394. Закон № 9717; Отд. 2. Штаты и табели. С. 183–186).

⁵ Заметим, что митрополит Филарет и М. П. Погодин были членами еще Российской академии и в 1841 г. волей С. С. Уварова вошли в число первых академиков ОРЯС, остальные избирались позднее, уже непосредственно самим Отделением.

⁶ Подробнее см.: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности: 1841–1891 гг.: Сборник документов. СПб., 2016. С. 316–318, 409–411, 478–479.

⁷ Оговоримся, что А. А. Шахматов, став с 1894 г. адъюнктом и активным сотрудником ОРЯС, считал, что чести избрания в академики, несомненно, достойны его учителя — Ф. Ф. Фортунатов и Ф. Е. Корш — и ждал случая для их выдвижения. Дело с Ф. Ф. Фортунатовым разрешилось в 1898 г. Сообщая о его избрании в академики, А. А. Шахматов писал Ф. Е. Коршу: «Итак первая половина моих мечтаний и надежд сбылась», но вскоре после этого сетовал: «...мне так бы хотелось, чтобы осуществилась мечта моя видеть Вас в Петербурге <...> А говорить об этом нельзя, так как все еще не улыбаются мне обстоятельства» (Архив РАН (далее — АРАН). Ф. 558. Оп. 4. Д. 363. Л. 68, 75).

⁸ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 316. Л. 1–1 об. Письмо М. И. Сухомлинова к Ф. Е. Коршу от 06.11.1899.

В ответном письме Ф. Е. Корш, поблагодарив за оказанную честь, предложение принял. Однако сразу затронул немаловажный вопрос — о переезде. Он писал: «Я не могу сказать определенно, когда может состояться мое переселение в Петербург. Дело в том, что в 1896 г. <...> мне продлен срок ея (службы в Московском университете. — Е. Г.) на пятилетие, т. е. до осени 1901 г.», и даже в случае сокращения этого срока «не мог бы переехать в Петербург ранее окончания лекций. <...> В виду как этого обстоятельства, так и необходимости частых поездок в Москву (если я должен буду скоро поселиться в Петербурге), так как мои дети окончат курс учения только в 1902 г., было бы, может быть, целесообразно избрать меня на первый раз в иногородные академики, без содержания. За это время я успел бы, может быть, также наметить себе преемника в Лазаревском институте по кафедре персидской словесности»⁹.

Одновременно в письме А. А. Шахматову Ф. Е. Корш признавал: «...письмо Сухомлинова произвело на меня впечатление удара дубиной по голове, словно я не желал этой перемены в своей судьбе и не предвидел ее. Это оттого, что желал я ее платонически, а предвидел ее в тумане отдаленного будущего <...>, а самая дубина в том, что я должен покинуть Москву, изменить ей, лишить ее преданного и самоотверженного работника. Сколько дорогого я оставляю в ней! Не о семействе я говорю — оно со временем может переехать ко мне, — а о тех друзьях, которых я не могу перетащить за собой»¹⁰. Повторив все имеющиеся помехи для скорого переезда, Корш заключил: «ординарным академиком я могу быть сначала только на самых льготных условиях»¹¹. Эти льготные условия как раз давал статус сверхштатного академика. Так в 1898 г. сверхштатом в Отделение был избран Ф. Ф. Фортунатов¹², с которым Ф. Е. Корш поддерживал дружеские отношения.

Однако подобное решение не входило в планы ОРЯС. Оба корреспондента Ф. Е. Корша — и М. И. Сухомлинов, и А. А. Шахматов — отклоняли возможность его избрания без содержания: отделение было заинтересовано занять открывшуюся вакансию, чтобы не потерять ее, и в то же время не хотело получить на свободное место нежелательного сочлена. Председательствующий пояснил, что статус академика не исключает возможности в любое время совершать поездки в командировки по ученой или служебной надобности, и вполне определенно выразил надежду, что с началом будущего академического года ученый будет «вполне принадлежать нашей академической семье»¹³, определив таким образом срок хлопот о переезде.

А. А. Шахматов в свою очередь горячо убеждал своего учителя и друга: «Ни в коем случае мы не можем согласиться избрать Вас сверхштатным или иногородним академиком. Хотя закон не определяет порядка перехода из сверхштатных в штатные академики, но говорят, что академическая практика требует переизбрания в Общем собрании и даже, пожалуй, в Отделении. Следовательно, избрание Вас в иногородние академики несколько не приблизит Вас к Академии, и мы в сущности ничего не приобретем от

---

⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФ АРАН). Ф. 101. Оп. 2. Д. 51. Л. 1–1об. Письмо Ф. Е. Корша М. И. Сухомлинову от 10.11.1899.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 729. Л. 85 об. Письмо Ф. Е. Корша А. А. Шахматову от 11.11.1899.

¹¹ Там же. Л. 86 об.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. Л. 25 об. Протокол Общего собрания ИАН от 07.03.1898, § 53.

¹³ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 316. Л. 2 об. Письмо М. И. Сухомлинова к Ф. Е. Коршу от 13.11.1899.

такого избрания». И чтобы сломить сопротивление Ф. Е. Корша, он старался подать перспективу в более привлекательном виде: «До осени 1900 года Вы можете не переезжать сюда, показавшись здесь раза два (поездки окупятся жалованьем). С осени Вы можете поселиться здесь временно, не перевозя семейство <...> Не сомневаюсь в том, что здесь Вы найдете, в особенности если сделаетесь оседлым жителем, такие источники доходов, которые окупят переезду и обустройство на новом месте. Мы употребим старания для того, чтобы Вам получить в скором времени казенную квартиру и т. д. <...> Вы пишете о Москве, московских друзьях. Но не получите ли Вы возможность быть им еще полезнее, поселившись в Петербурге? Вас не будут отвлекать лекции и уроки: на общую радость Ваших друзей Вы будете работать для науки. <...> Оживив Академию, Вы оживите и университетскую науку...»¹⁴.

В ответ Ф. Е. Корш уже более развернуто сформулировал причины своих сомнений. М. И. Сухомлинову он указал на свое здоровье, «которое за последние годá значительно пошатнулось», и на превратности петербургского климата, на неудобство еженедельных заседаний в ОРЯС, фактически не оставляющих возможности отъездов из столицы¹⁵. В письме же к А. А. Шахматову, более откровенном и эмоциональном, признавался: «Я Москвич, а у нас в Москве есть предрассудки; здесь возможен, например, такой “непрямой” разговор: “Позвольте Вам сказать после этого, что Вы Петербуржец!” — “Милостивый государь, Вы не имеете права говорить мне дерзости!”. Это, как я сказал, предрассудок, но — исторический. Даже Академия носит тот характер, который мы, дикие москвичи, называем петербургским: там можно ровно ничего не делать, — только бы “бессмертный” торчал на всех заседаниях, хоть спи на них. Это торчанье ставится выше дела. Я вполне понимаю, что если я служу где-нибудь, я должен находиться на месте каждый раз, как меня требует служба. Но служба службе рознь, и, чем служба благороднее по своей сущности, тем менее важны формальности, а самое дело должно стоять тем выше. Ужели члены II Отделения обязаны каждую субботу идти на заседание, как солдат в баню? Добро бы еще все заседания посвящались разработке науки, для чего и существуют академии; а то ведь там зачастую обсуждаются дела экономические, административные и т. п. <...> Вы говорите, что мои друзья выиграют от моего отсутствия, потому что в Петербурге я буду больше писать. Какие друзья? не те, конечно, которые моих велемудрых творений не читают; а таких друзей у меня чуть ли не большинство — именно потому, что я до сих пор живу всеми силами своей души...»¹⁶. В обоих письмах Ф. Е. Корш просил оставить за ним право не присутствовать на тех заседаниях Отделения, на которых это по существу не нужно.

Ответом стали заверения А. А. Шахматова, что высказанные опасения напрасны: «сделавшись академиком, Вы можете не покидать ни своих друзей, ни Москвы. В письмах к Сухомлинову и ко мне Вы боретесь положительно с несуществующими препятствиями. У академика две формальные обязанности: 1) он “приглашается представить

---

¹⁴ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 363. Л. 100 об.–102. Письмо А. А. Шахматова Ф. Е. Коршу от 13.11.1899.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 101. Оп. 2. Д. 51. Л. 3об.–4. Письмо Ф. Е. Корша М. И. Сухомлинову от 22.11.1899.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 729. Л. 90–91 об. Письмо Ф. Е. Корша А. А. Шахматову от 23.11.1899.

ежегодно в Отделение хотя одну оригинальную статью своего сочинения”, 2) он должен принимать участие в заседаниях Академии, если хочет получать содержание. Это участие понимается многими весьма ограниченно: так А. Н. Веселовский только в последнее время стал являться на все заседания Отделения... раньше же он ходил к нам через два-три заседания. Может ли быть речь о том, чтобы кто-нибудь стеснял Вашу свободу, чтобы у кого-нибудь Вам приходилось просить разрешения на более или менее продолжительные отлучки из Петербурга? <...> При полном отсутствии начальства у нас, каждый сам себе господин, каждый понимает и исполняет свои обязанности по-своему <...> представляя Отделению ежегодно по одной статье оригинального сочинения и посещая Академию раз, много два раза, в месяц, выбирая для этого те дни, когда собирается и общее собрание и Отделение, Вы формально исполните обязанности академика» (подчеркнуто в документе. — Е. Г.)¹⁷.

Получив такие разъяснения, Ф. Е. Корш согласился на баллотировку и делу был дан ход. Сначала процедура прошла в Отделении¹⁸, затем в Общем собрании¹⁹, и ученый стал полноправным академиком.

К началу 1900 г. состав ОРЯС выглядел следующим образом:

1. М. И. Сухомлинов, председательствующий в ОРЯС;
2. А. Н. Веселовский;
3. И. В. Ягич — после принятия им в 1886 г. кафедры в Венском университете продолжал числиться действительным членом ОРЯС, участвовал в его научных трудах, но в России бывал редко и не получал штатного академического жалования²⁰, то есть был отсутствующим (сверхштатным) академиком;
4. Л. Н. Майков;
5. А. А. Шахматов;
6. А. Н. Пыпин;
7. Ф. Ф. Фортунатов, академик сверх штата;
8. И. Н. Жданов.

В 1900 г. в состав Отделения на вновь открытые вакансии ординарных академиков были избраны вместе с Ф. Е. Коршем В. И. Ламанский (с 15 января 1900 г.) и через месяц Н. П. Кондаков (с 5 февраля 1900 г.), а осенью место умершего Л. Н. Майкова занял А. И. Соболевский (с 7 октября 1900 г.). Таким образом, к концу года Отделение насчитывало девять штатных и двух сверхштатных членов.

Дальнейшие изменения выглядели так: после смерти И. Н. Жданова и М. И. Сухомлинова одно из освободившихся кресел было сразу предложено Ф. Ф. Фортунатову²¹. Он

¹⁷ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 363. Л. 105–106. Письмо А. А. Шахматова Ф. Е. Коршу от 26.11.1899.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 208. Л. 104–104 об. Протокол заседания ОРЯС от 27.11.1899.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 209. Л. 11–11 об. Протокол заседания ОС ИАН от 15.01.1900, § 27.

²⁰ Подробнее см.: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности. С. 393–394, 513.

²¹ На заседании ОРЯС 01.12.1901 г. обсуждался вопрос о «желательности пригласить академика Ф. Ф. Фортунатова» на место штатного академика с 01.07.1902 г. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 120).

прошел повторную баллотировку в штатные ординарные академики и был избран 12 января 1902 г.²² Весной того же года Ф. Ф. Фортунатов завершил свои лекции в Московском университете, начал хлопоты по организации переезда в Петербург, где и обосновался уже в конце мая²³.

Вторая вакансия долго оставалась свободна, пока, наконец, не была предложена Е. Е. Голубинскому. До тех пор в ОРЯС не было выпускников Духовной академии, и, по собственному признанию ученого, это приглашение было для него «совершенной и решительной неожиданностью»²⁴. В письме председательствующего А. Н. Веселовского с сообщением о том, что Отделение в ноябре 1902 г. единогласно назвало Е. Е. Голубинского своим желательным кандидатом, подчеркивалось, что обязательным условием для академика является жительство в Петербурге. Однако такая перемена не прельщала престарелого историка, вся жизнь которого была связана с Сергиевым Посадом. Он ответил, что мог бы жить в столице не круглый год, а только в зимнюю его половину и не ранее, чем с будущей зимы 1903/1904 г. Ответ Е. Е. Голубинского Отделение восприняло как согласие, и кандидат был избран в заседании ОРЯС уже 30 ноября 1902 г.²⁵ Поздравляя нового академика, А. Н. Веселовский его заверил: «Что касается до требования жить в Петербурге, то 4–5 месяцев (лето) отпадают, да и остальные Вы будете в состоянии свободно делить между Петербургом и Москвой»²⁶.

Так в составе ОРЯС к лету 1903 г. оказались уже два академика, не проживавшие в Петербурге, ибо Ф. Е. Корш все еще оставался в Москве и не выказывал намерения переехать в столицу. Тому было несколько причин. В Москве его по-прежнему удерживали семейные обстоятельства и текущие дела: ученый вел активную преподавательскую работу в Московском университете и в Лазаревском институте восточных языков, где ему трудно было найти замену, особенно в классах персидской словесности и языка. Возможностей же использования своего педагогического потенциала в столице Ф. Е. Корш не видел, что, несомненно, играло для него важную роль. Его смущала и теснота в научном отношении. «Мне там нет места»²⁷, — говорил он о Петербурге. Между тем Ф. Е. Корш включился в научную работу ОРЯС и принимал самое деятельное участие в редактировании «Словаря русского языка», вышедшего под руководством А. А. Шахматова, работал в составе Пушкинской комиссии, занимавшейся изданием собрания сочинений поэта, рецензировал сочинения, представленные на конкурсы. И все эти новые обязанности не сказались на высокой публикационной активности ученого. Самым уязвимым местом в отношении исполнения законов и требований Академии наук оставались непосещения ежемесячных собраний академиков.

---

²² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 13–13 об. Протокол заседания ОС ИАН от 12.01.1902, § 35.

²³ Подробнее об этом см. переписку между Ф. Ф. Фортунатовым и А. А. Шахматовым (Алексей Александрович Шахматов. Избранная переписка. Т. 1. СПб., 2018. С. 307–316).

²⁴ Голубинский Е. Е. Воспоминания // Полунов А. Ю., Соловьев И. В. Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского. М., 1998. С. 223.

²⁵ Баллотировка в Общем собрании ИАН состоялась 19.04.1903 (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 47 об.–48).

²⁶ Голубинский Е. Е. Воспоминания... С. 224.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 729. Л. 57. Письмо Ф. Е. Корша А. А. Шахматову от 10.12.1898.

Каждый год А. А. Шахматов высылал Ф. Е. Коршу расписание заседаний Отделения и Общих собраний ИАН, напоминал о наиболее важных из них и продолжал мягко настаивать на переезде в столицу. Так, в сентябре 1901 г., сетуя на отсутствие у академиков интереса к текущим вопросам, А. А. Шахматов писал:

«Конечно, Ваше равнодушие объясняется только тем, что Академия находится не в Москве, а в Петербурге: мне кажется, Вам во всяком случае необходимо переехать сюда с осени будущего года. Вы пишете о неблагоприятном влиянии Петербурга на Ваше здоровье. Разумеется, сам Петербург тут не при чем, а вредна та обстановка, в которой Вам приходится жить. Отсюда вывод: Вашей семье необходимо решиться на переезд сюда. Вы спрашиваете, когда Вам ехать в Петербург. Думаю, что Вам необходимо быть здесь к 29 сентября. В заседании, назначенном на этот день, будут поставлены вопросы о замещении освободившихся кресел, об избрании Александра Николаевича Веселовского председательствующим, о юбилейном сборнике Жуковского и Гоголя, об издании Пушкина и т. д. 6 октября — опять наше заседание и Общее собрание»²⁸.

Ф. Е. Корш старался выкраивать время для поездок в Петербург, но ему это удавалось далеко не всегда. Так в 1901 г. из 21 заседания ОРЯС он посетил десять, в 1902 г. из 17 — пять, а в 1903 г. — из 17 заседаний был на трех. Он приезжал преимущественно тогда, когда мог посетить сразу и Общее собрание, но и это бывало нечасто: в 1901 г. и в 1902 г. — по четыре раза (из девяти), а в 1903 г. случилось лишь дважды²⁹. С точки зрения академических традиций, никакие объективные обстоятельства не могли оправдать такое пренебрежение правилами. Впрочем, если бы академик чаще посещал заседания, пусть даже для этого ему приходилось бы каждый раз особо приезжать в Петербург, вероятно, его проживание в Москве не встретило бы в ИАН никаких возражений и претензий.

Редкое появление Ф. Е. Корша в академическом конференц-зале не прошло незамеченным. Но об этом никто не заговаривал, пока 28 января 1904 г. на заседании I Отделения (Физико-математического) академик А. А. Марков не указал на прямое нарушение устава. Взволнованный А. А. Шахматов немедленно написал в Москву: «Правда, заявление это было встречено молчанием, но я сильно опасаясь, что Марков возобновит его 14-го (на заседании Общего собрания. — *Е. Г.*), когда будет, по нашему ходатайству рассматриваться вопрос о назначении Ягичу жалованья в размере 1800 рублей. <...> Может быть, Вам следовало бы присутствовать в заседании 14 февраля. Если Вы приедете к марту, то это будет иметь вид ответа на замечание Маркова, а прибытие к 14-му предупредит его заявление»³⁰.

В ответном письме Ф. Е. Корш заверил, что приедет на заседание 14-го февраля. Однако первая его реакция была иная. Ученый составил в свою защиту записку, которую отправил А. А. Шахматову с пожеланием довести ее содержание до Академии³¹. Запи-

²⁸ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 364. Л. 38–38 об. Письмо А. А. Шахматова Ф. Е. Коршу [сент. 1901 г.].

²⁹ Оговоримся, что Е. Е. Голубинский, также отказавшийся переезжать в Петербург, тем не менее регулярно посещал академические заседания, бывая на них чаще многих петербуржцев.

³⁰ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 365. Л. 24–24 об. Письмо А. А. Шахматова Ф. Е. Коршу от 29.01.1904.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 729. Л. 218–219 об. Письмо Ф. Е. Корша А. А. Шахматову от 05.02.1904.

ску А. А. Шахматов получил и, выражая полное сочувствие точке зрения Ф. Е. Корша, старался погасить негодование последнего. В Комиссию по пересмотру устава ИАН А. А. Шахматов подал предложение внести изменение в закон о проживании академиков, но встретил отказ с разъяснением, что для сепаратных случаев можно получить Высочайшее разрешение. Президент ИАН великий князь Константин Константинович и непреременный секретарь Н. Ф. Дубровин были склонны к тому, чтобы «не замечать» степени свободы Ф. Е. Корша от заседаний, и не поддержали А. А. Маркова, поэтому и А. А. Шахматов рекомендовал не «возбуждать вопроса, который в сущности никем не поднимался»³². По-видимому, записку Ф. Е. Корша он тоже не сделал достоянием всей Академии.

Пользуясь молчаливым согласием президента и Конференции, Ф. Е. Корш остался в Москве, что создало определенный прецедент, ибо до тех пор все иногородние ученые, избранные в академики, строго соблюдали устав. Ф. Е. Корш оставался единственным «исключением из правил». В начале XX в. во II Отделении среди новых сочленов были упоминавшийся выше москвич Ф. Ф. Фортунатов (избр. 1902 г.), одессит В. М. Истрин (избр. 1907 г.), москвич В. Ф. Миллер (избр. 1911 г.). Все они в ближайшие месяцы после избрания переехали в Петербург. В 1907 г. академиком стал киевский профессор Н. П. Дашкевич, но он был избран сверх штата, поэтому оставался на Украине. Такие же правила соблюдались и в других отделениях Академии. Например, избранный в 1910 г. в ординарные академики рижский профессор химии П. И. Вальден переехал в Петербург, где в 1911–1919 гг. возглавлял академическую лабораторию, а известные историки Ф. И. Успенский и В. О. Ключевский, работавшие соответственно в Константинополе и в Москве, оба были академиками сверх штата.

Однако прецедент Ф. Е. Корша все же был использован: в 1910 г. академик А. И. Соболевский оставил Петербург и перебрался в Москву, обещая «наезжать для присутствия в важных заседаниях», а когда ему указали на нарушение академического устава, он сослался на пример Ф. Е. Корша³³.

Нарушения одного из законодательных требований могли бы и в дальнейшем замалчиваться или вызывать дискуссии, если бы развитие науки, сделавшей заметный скачок на рубеже XIX–XX вв., не потребовало пересмотра не соответствующего ее интересам условия. При разработке нового Штата Императорской Академии наук, вступившего в силу с 1 июля 1912 г., в него были внесены некоторые ранее принципиально невозможные положения (например, допущение в штат женщин, обладающих соответствующим образовательным цензом), и тогда же исчезло требование необходимости проживания академиков в Санкт-Петербурге³⁴. В соответствии с новым законом, академику И. В. Ягичу, продолжавшему работать в Вене и руководить оттуда изданием академической «Энциклопедии славянской филологии», было определено содержание штатного академика. А Ф. Е. Коршу председательствующий в ОРЯС А. А. Шахматов писал: «Вы в полном праве совершенно не приезжать в Петербург. В новых штатах Академии ого-

---

³² АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 365. Л. 25–25 об. Письмо А. А. Шахматова Ф. Е. Коршу от 07.02.1904.

³³ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 367. Л. 8. Письмо А. А. Шахматова Ф. Е. Коршу от 30.03.1910.

³⁴ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). СПб., 1915. Отд. 1. С. 1117–1119. Закон № 37 745; Отд. 2. С. 443–459. Штат ИАН. — Высочайше утвержденный закон «Об установлении нового штата ИАН», подписанный 5 июля 1912 г.

ворено право академиков жить вне Петербурга. <...> От академика требуется только, чтобы он работал на Академию. Но работать на Академию — это работать в области науки; а работать для науки Вы никогда не перестанете. Следовательно, у Вас нет основания уходить из Академии и тяготиться тем, что Вы не посещаете ее заседаний»³⁵. Подтверждением того, что новые правила действовали, стали и выборы в ОРЯС в 1914 г. одновременно двух киевских профессоров — В. Н. Перетца и В. С. Иконникова: после избрания первый переехал в Петербург, а второй остался в Киеве.

Несомненно, изменения академического законодательства были вызваны объективными переменами, происходившими в науке и обществе в начале XX в., но нельзя исключать и влияние самих ученых. В частности, в отмене условия, что академик должен жить в столице, могла сыграть свою роль и уже упоминавшаяся записка Ф. Е. Корша, составленная в 1904 г., в которой он горячо защищал идею свободы проживания академиков там, где они приносят наибольшую пользу науке. Сам автор говорил о своей записке: «Озлился я так, что написал бумагу, преисполненную насмешек и содержащую в себе весьма прозрачный намек на отказ от звания Академика, но так как подобное литературное произведение не могло получить хода, ядовитейшие места я выкинул при переписке»³⁶. Экземпляр записки, отправленный Ф. Е. Коршем в Петербург, нам обнаружить не удалось. Однако сохранился черновик, который публикуется в приложении к настоящей статье. При чтении документа следует помнить о том, что это был эмоциональный всплеск, первая реакция на получение сообщения о недовольстве некоторых академиков нарушением Ф. Е. Коршем уставных требований. Но, несмотря на горячность, автор сумел четко обозначить свою позицию и опровергнуть несправедливые упреки в академическом бездействии.

Автограф Ф. Е. Корша хранится в его личном фонде в Архиве РАН (Москва). Документ публикуется в современной орфографии, авторские сокращения сохранены, исправленные и зачеркнутые места опущены. Комментарии даны после документа.

[ЗАПИСКА Ф. Е. КОРША О НЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРОЖИВАНИЯ АКАДЕМИКОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ]

От времени до времени раздаются возражения отдельных членов Академии против моего пребывания в Москве вопреки какому-то правилу, которое, впрочем, не значится в академическом уставе¹). Достойно замечания, что эти возражения возникают не в Конференции Академии и не в отделении р. яз. и сл., которые, очевидно придают вопросу о неизбежности приписки всякого академика к району заведования С.-П. городской полиции менее важности, чем некоторые ревнителю академических преданий, стоящие далеко от занятий и видов отделения р. яз. и слов., к которому я имею честь принадлежать. В основе такой снисходительности ко мне со стороны тех частей академического состава, от которых при наличности вышеупомянутого проступка, было бы по-видимому, всего естественнее ожидать таких мыслей, что я, как академик, «поведением своим оказался недостойным носить сие звание» (§ 69 Устава), лежит конечно, не пренебрежение выгодам Академии, заключающее в себе признаки «бездействия власти» и, как мне кажется, сознания того, что 1) прикрепление академика

---

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 4. Д. 29. Л. 53. Письмо А. А. Шахматова Ф. Е. Коршу от 20.11.1913.

³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 729. Л. 219. Письмо Ф. Е. Корша А. А. Шахматову от 05.02.1904.

к Петербургу не составляет условия, необходимого для достижения целей, указанных в § 2 и 3 Устава, 2) пребывание академика вне Петербурга даже помимо командировки может в некоторых случаях прямо споспешествовать осуществлению задач Академии. Последнее обстоятельство, быть может, немислимое для отделений физико-математического и историко-филологического, обычная деятельность которых не связана необходимо с одной страной или с одним народом, вполне понятно отделению р. яз. и слов., почти всецело посвящающему свои силы явлениям духовной жизни русской народности и обращающемуся к другим отраслям филологии, кроме славистики, лишь постольку, поскольку из них возможно извлечь сведения, полезные для объяснения особенностей языка, быта и словесного творчества русского народа. Эта естественная связь отделения р. яз. и слов. с русской народностью во всей совокупности ее многообразных разветвлений сказалась особенно ясно и настоятельно с тех пор, как она отчасти в зависимости от своих трудов по вмененному в обязанность (§ 17 Положения об Отд. р. яз. и слов.) составлению полного словаря русского языка, усиленно принялось за издание памятников русской словесности письменной и устной и за собиранье данных для последовательного и всестороннего изучения наречий и говоров отечественного языка. При занятиях последнего рода тот научный центр, в котором исключительно пребывает «первенствующее ученое сословие в Российской империи» (§ 1 Устава), оказался не достаточным для сосредоточения всех работ по исследованию разновидностей русской живой речи, так как он, в отличие от центра геометрического, помещается на окружности, и одновременно выдвинулась важность другого научного центра, более удовлетворительного с математической точки зрения и также имеющего свое «ученое сословие», хотя не «первенствующее», однако же такое, которое доставило отделению р. яз. и словесности семь членов из девяти (не считая ак. Ягича, проживающего за границей)²⁾. В Москве хранятся огромные рукописные богатства, в Москве непрерывно возникают научные труды, поощряемые и даже издаваемые Академией, к Москве тяготеют и научные силы юга, запада и востока России едва ли в меньшей степени, чем к Петербургу. Размеры последнего явления я мог оценить особенно с тех пор, как Академия почтила меня избранием в свои члены, после чего я, неожиданно для себя, очутился в положении чего-то в роде московского поверенного Академии для сношений с самыми разнообразными местностями Российского государства по вопросам, касающимся даже не одного отделения р. яз. и сл. Значение Москвы в изучении всего, что относится к познанию России, мне, родившемуся и воспитавшемуся в Москве и преподававшему 30 с лишком лет в Московском университете, было хорошо известно еще задолго до моего вступления в Академию, и как это обстоятельство, так и мои научные и общественные связи с Москвой заставили меня, несмотря на весь почет и преимущества, доставляемые званием академика, сильно поколебаться перед тем, как я убедился доводами тогдашнего председательствующего отделения р. яз. и сл., ныне покойного М. И. Сухомлинова, который вел со мной по этому вопросу оживленную переписку.

Оставшись на жительстве в Москве и лишь наезжая в Петербург, я тем самым не только не причинил ущерба выгодам своего Отделения — не говоря уже о двух иных — но, служа естественным посредником между отделением р. яз. и словесности и московскими учеными, разрабатывающими те же предметы, оказываюсь даже более полезным Академии и более способным прилагать «попечение о распространении

просвещения вообще» и «обращать труды свои непосредственно на пользу России» (§ 26 и § 3 Устава), чем если бы жил хоть на самом Васильевском острове³). Верность этого соображения доказывается непрерывающимся рядом поручений для Москвы, возлагаемых на меня Отделением, и, несомненно, будет подтверждаться тем более, чем шире распространятся предпринятые Отделением работы по русской диалектологии⁴).

Что касается вопроса о законности моего проживания в Москве при лишь временных посещениях Петербурга то, как уже было сказано выше, в общем «Уставе ИАН» я не мог найти на этот предмет никакого постановления, если не выводить намек на таковое из прилагательного «Санкт», которому впрочем, когда идет речь об отд. р. яз. и сл. можно противопоставить название этого отделения в его прежнем виде «Имп. Росс. академия», а в § 66 (с § 6 и 8 примечания⁵) о находящихся в Петербурге академиках сказано приблизительно так же, как в § 88 о почетных членах и корреспондентах, т. е. в таких выражениях, из которых следует лишь то, что академики могут и не быть в Петербурге. Такое допущение отсутствия, конечно, еще не равняется разрешению на проживание в любой точке Земного шара, хотя при толковании закона едва ли можно признать безразличным отсутствие каких бы то ни было указаний на причины и свойства разумеемых в этих правилах случаев ненахождения академиков на месте их постоянной службы; а в § 6 «Положения об Отделении р. яз. и слов. Имп. Ак. н.» значится следующее: «В академики и адъюнкты Отд. р. яз. и сл. могут быть избираемы лица, имеющие пребывание вне столицы, в иных городах империи»⁶).

Ни один из приведенных здесь §§ не изменен и не отменен позднейшими узаконениями, помещенными в примечаниях. Правда, этими примечаниями не исчерпываются все отступления от Устава, отчасти уже усвоенные академическим обиходом, отчасти намеченные в качестве желательных изменений; между прочим и в статьях, относящихся к Отделению р. яз. и сл., которое даже не имеется в виду при перечислении наук, «усовершенствованием коих Академия занимается» (§ 4). Но тем яснее сознается Академией устарелость ее Устава, тем менее кажутся основательными заботы об удержании неких постановлений или обычаев, которые, как известно, заставляют Академию без всякой пользы для прямых ее задач и в явный вред ее достоинству заниматься вопросами о личностях и сверх того придают высшему в государстве научному учреждению вид какого-то департамента научных дел и укрепляют в обществе и без того распространенный предрассудок, будто Академия есть некий замкнутый и самодовлеющий синедрион, совершенно равнодушный к умственным запросам страны. Мы, академики, хорошо знаем, что причины, по которым утвердилось о нас такое невыгодное мнение, давно отжили свой век, а теперь, когда мы от всей души идем навстречу всяким проявлениям научной деятельности и сами стараемся вызвать их в возможно широких размерах, такие отзывы звучат уже явной клеветой. Но к чему же поддерживать хоть бы только соблазном истолкования наших действий в смысле устарелого, однако, еще не забытого поклепа на Академию? К тому же Академия всякою мерою, клонящейся к сужению круга ее деятельности, вошла бы в противоречие со своими новейшими стремлениями, выразившимися, напр., учреждением должности ученого корреспондента в Риме⁷). Для того, чтобы это сознали все, не мешает принять к сведению совет польского поэта Люциана Семенского реформаторам:

В ложе ты Прокрустово втиснуть рад все в мире
В том реформа, чтобы само ложе стало шире⁸).

Впрочем, когда уже наступившая для меня старость и сопряженная с нею телесная, а может быть и умственная немощь лишат меня способности и охоты к непосредственным сношениям с внешним миром и ограничат мою деятельность точным и неукоснительным по мере сил соблюдением всего, для задач Академии несущественного, я готов не только переселиться в Петербург, но и просить Академию о даровании мне приюта в стенах одного из принадлежащих ей зданий.

Академик Ф. Корш
2 февраля 1904 г.

АРАН. Ф. 558. Оп. 3. Д. 34. Л. 1–6 об. Черновой автограф Ф. Е. Корша.

Примечания:

¹⁾ В текстах академических Регламентов 1747 и 1803 гг. и Устава 1836 г., действительно, не прописано требование к академику иметь жительство в столице. Однако все академики являлись членами Общего собрания, заседания которого можно было посещать, только находясь в Петербурге. Это соображение, очевидно, с точки зрения составителей законов, не могло иметь иного толкования и не требовало особой оговорки. Если академики-иностранцы в XVIII в. решали вернуться на родину, то они теряли должность, но могли перейти в число почетных членов АН, как, например, академики Д. Бернулли и Л. Эйлер или адъютант Й. Г. Кёльрейтер. В Штате ИАН, утвержденном 1 июня 1893 г., в примечании впервые было прямо сказано: «Академики, не жительствоющие в С.-Петербурге и не принимающие участия в заседаниях Академии, содержания не получают» (ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 13 (1893). Отд. 2. Прилож. к закону 9717. С. 185). Ф. Е. Корш, изучая академическое законодательство, этот документ упустил из виду, на что ему указал и А. А. Шахматов (АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 365. Л. 25). Если бы Ф. Е. Корш не получал жалованья от Академии, его было бы не в чем упрекнуть.

²⁾ Кроме А. Н. Пыпина и В. И. Ламанского, все остальные члены ОРЯС (на начало 1904 г.) были выпускниками Московского университета, а Е. Е. Голубинский — Московской Духовной академии.

³⁾ Штаб-квартира ИАН находилась в Петербурге на Васильевском острове.

⁴⁾ В первые годы XX в. в Москве силами небольшого кружка молодых лингвистов разрабатывались вопросы из области русской диалектологии, составлялись диалектологические карты отдельных местностей. Наблюдавший за деятельностью кружка А. А. Шахматов в конце 1903 г. в письме к Ф. Е. Коршу высказал предложение: «...если Вы согласны, предложу поручить этому кружку составить под Вашим руководством диалектологическую карту всей Великой России, предоставив в его распоряжение наши материалы и выговорив всем работникам гонорар» (АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 365. Л. 19). После рассмотрения этого предложения на заседании ОРЯС было решено, что «кружок получит полуофициальное существование под именем комиссии, состоящей при II Отделении для составления диалектологической карты России», а председателем ее станет Ф. Е. Корш (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 216. Л. 188 об. – 189. — Протокол заседания ОРЯС от 13.12.1903, п. XXVI). Академик дал свое согласие и энергично принялся за организацию новой комиссии, поиск для нее постоянного помещения и составление планов работ на ближайшее время. О своих действиях и первых сотрудниках комиссии Ф. Е. Корш докладывал Отделению уже 25 января 1904 г. (СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 802. Л. 12–13 об.).

⁵⁾ По-видимому, автором допущена описка: вместо «примечания» надо читать «Положения» (об ОРЯС).

⁶⁾ «Положение об Отделении русского языка и словесности при Императорской Академии наук», в том параграфе, который цитирует Ф. Е. Корш, было наследием либеральной в отношении этого вопроса Российской академии и не изменялось с 1841 г.

⁷⁾ В декабре 1902 г. была учреждена должность «ученого корреспондента Историко-филологического отделения ИАН в Риме» при Ватиканском архиве «для разработки хранящихся в Италианских архивах материалов по истории России» (ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 22 (1902). СПб., 1904. Ч. 1. Закон 22321 от 23.12.1902. С. 1008). На эту должность была предложена кандидатура историка Е. Ф. Шмурло, баллотировка которого прошла единогласно (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 279. — Протокол заседания ИФО от 12.03.1903, § 81) После утверждения положения об обязанностях и службе ученого корреспондента в Риме, получив все инструкции, он 2 ноября 1903 г. отбыл из Петербурга и еще до конца месяца приступил к исполнению должностных обязанностей в Риме (Там же. Л. 307 об. и 320 об. — Протоколы заседаний ИФО 15.10.1903, § 206 и от 03.12.1903, § 264).

⁸⁾ В оригинале: *W łoże Prokrusta wciskasz, choć co wleźć nie może. / Ten u mnie reformat, jest kto rozszerzy łoże.* (Dzieła Lucyana Siemieńskiego. Poezye. T. IX. Warszawa, 1882. S. 169).

Информация о статье

Автор: Груздева, Елена Николаевна — кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия, Orc ID 0009-0002-7300-1840, SPIN-код 6309-4836, Author ID 672236; e-mail: elgru@rambler.ru

Заголовок: Казус Корша, или Должен ли академик жить в столице?

Резюме: По традиции, соблюдавшейся с XVIII в., члены Санкт-Петербургской Академии наук должны были жить в столице и принимать самое деятельное участие в повседневной работе академии. Однако развитие российской науки и общества к концу XIX – началу XX в. достигло такого уровня, при котором необходимость и желание ученого жить и работать там, где он может приносить максимальную практическую пользу, стало вступать в противоречие с академическими правилами. Статья посвящена ситуации, сложившейся в начале XX в. в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук в связи с избранием в ординарные академики крупного московского ученого филолога и востоковеда Федора Евгеньевича Корша. Вопреки академической традиции Ф. Е. Корш не переехал после своего избрания в Петербург. На архивном материале показывается отношение разных членов Отделения русского языка и словесности и словесности Императорской Академии наук к требованию проживания в столице и к нарушению буквы закона. Поскольку число подобных «исключительных случаев» в начале XX в. продолжало расти, правительству в 1912 г. пришлось пойти на признание права академиков проживать и в других городах, а не только в Петербурге, и внести его в новый Штат Академии наук. В приложении к статье впервые публикуется особая записка, написанная Ф. Е. Коршем в 1904 г. в ответ на упрек в нарушении им академического устава. В ней ученый изложил собственную позицию о формулировках Уставов словесности Императорской Академии наук и Отделения русского языка и словесности по этому вопросу, а также о своей работе в Академии наук.

Ключевые слова: Устав Академии наук, Отделение русского языка и словесности, академическая традиция, Ф. Е. Корш

Литература, использованная в статье:

Басаргина, Екатерина Юрьевна. Проекты академической реформы. 1855–1917 гг. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. 216 с.

Information about the article

Author: Gruzdeva, Elena Nikolaevna — PhD in History, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, Orc ID 0009-0002-7300-1840, SPIN-code 6309-4836, Author ID 672236; e-mail: elgru@rambler.ru

Title: The Korsh case, or Should an academician live in the capital?

Summary: According to the tradition, which had been maintained since the 18th century, the members of the St. Petersburg Academy of Sciences had to live in the capital and actively take part in the Academy's routine. Yet, by the turn of the 20th century the development of Russian science and society had reached a level at which a scientist's need and desire to live and work where he can bring maximum practical benefit began to conflict with the Academy's rules. The article describes the situation of the early 20th century when Fyodor E. Korsh, a prominent Moscow philologist and orientalist, was elected to the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. Contrary to the Academy's tradition, F. E. Korsh did not move to St. Petersburg, when he was elected. The archival materials reveal what his colleagues at the Department and other academicians thought about the requirement to live in the capital and about the breach of the rule as well. Since the early 20th century such «extraordinary cases» continued to happen further and further, the authorities in 1912 had to approve of the academicians' right to live not only in Petersburg but also in other cities and had to introduce an appropriate amendment to the new staff of the Academy of Sciences. The article is supplemented with the previously unknown note which was specially written by F. E. Korsh in 1904 in reply to the reproach for breaking the Academy's Charter. He explained there his own attitude to the wording of that point in the Charter of the Academy and that of the Department and also wrote about his scientific work in the Academy of Sciences.

Keywords: Charter of the Academy of Sciences, Department of the Russian Language and Literature, Academy's tradition, F. E. Korsh

References:

Basargina, Ekaterina Juryevna. *Proekty akademicheskoy reformy. 1855–1917 gg.* [*Projects for the reform to the Academy. 1855–1917*]. St. Peterburg: Nestor-Istoriya Publ., 2013. 216 p. (in Russian).